

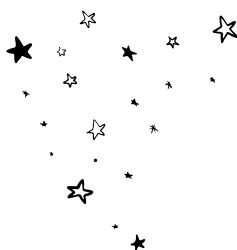

ВАЙОЛЕТ И СКЕЛЕТ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

1. Дело об ожившем мертвце

Продолжение следует...

Софи Клеверли

ДЕЛО ОБ ОЖИВШЕМ МЕРТВЕЦЕ

Москва
2023

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44
К48

Sophie Cleverly

**THE VIOLET VEIL MYSTERIES —
A CASE OF GRAVE DANGER**

Originally published in English in Great Britain
by HarperCollins Children's Books, a division
of HarperCollins Publishers, under the title:

The Violet Veil Mysteries — A CASE OF GRAVE DANGER

Text copyright © Sophie Cleverly 2021

Illustrations copyright © Hannah Peck 2021

Translation © Limited company „Publishing house “Eksmo 2022

Translated under licence from HarperCollins Publishers Ltd.

The author and illustrator assert the moral right to be identified
as the author and illustrator of this work

Клеверли, Софи.

К48   Дело об ожившем мертвце / Софи Клеверли ;
[перевод с английского К. И. Молькова]. — Моск-
ва : Эксмо, 2023. — 416 с. : ил.

ISBN 978-5-04-121976-5

Вайолет хочет только одного: чтобы отец, владелец похоронного бюро «Эдгар Д. Вейл и сыновья», разрешил ей заниматься семейным делом. И однажды дождливой мрачной ночью у неё появляется шанс. Она встречает на кладбище Семи ворот мальчика, которого все считали мёртвым! Оливер ничего не помнит, и Вайолет в компании с верным псом по кличке Скелет берётся за расследование. Ей предстоит столкнуться с Чёрной вдовой, загадочной и опасной женщиной, некогда работавшей в печально известной Руквудской школе. К тому же Вайолет должна выяснить правду о череде странных событий, потрясших городок, ведь на кону репутация её семьи! И помогут ей души умерших, ведь девочка частенько слышит, о чём они шепчутся...

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

© Мольков К.И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-121976-5   ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Лианне.
Люблю тебя больше,
чем все звёзды на небе.*

ГЛАВА 1

Я родилась в морге при кладбище. Понимаю, это очень забавно — появиться на свет там, где обычно заканчивается жизнь каждого человека, но так уж получилось. Мама рассказывала, что мраморная плита, на которой она меня рожала, была холодной и жёсткой, но маме тогда выбирать не приходилось.

Они назвали меня Вайолет, под пару «цветочному» имени моей мамы — Айрис. Думаю, родители ожидали, что я вырасту таким «вяленьким» цветочком — скромной, застенчивой и робкой Вайолет, Фиалочкой, но вскоре им пришлось понять, что эти их надежды не оправдались.

Моё второе, или, как говорят в Англии, среднее имя — Виктория, в честь Её Величества

королевы. Говорили, что в то время, когда я родилась, она оплакивала смерть мужа и целыми днями ходила во всём чёрном. Уж что-что, а траурные одежды были для меня делом привычным. Кстати сказать, и я сама — как и вся наша семья — была постоянно одета во что-нибудь тёмное, мрачное. Почему? Потому что, как любил повторять мой папа, *«мы постоянно оплакивали кого-нибудь»*.

Жить на границе между миром живых и миром мёртвых довольно необычно, знаете ли. Есть в этом что-то загадочное, даже мистическое. Признаюсь вам по секрету, что иногда, гуляя среди могил, я улавливала присутствие мертвецов. До меня долетали отголоски их угасающих чувств, эхо шепчущих голосов. Я к этому относилась нормально, как к чему-то само собой разумеющемуся, хотя со временем поняла, что делиться этим ни с кем не следует. К этому меня приучили те странные взгляды, которые бросали на меня взрослые, когда я вдруг упоминала о загробных голосах.

Нужно заметить, что покойникам, как правило, говорить особо было не о чем, это был лишь несвязный шорох, обрывки отдельных слов. Однако вскоре мне предстояло встретиться с мертвецом, оказавшимся разговорчивее обычного. *Гораздо* разговорчивее.

Незадолго до того, когда произошло это чудо, мне исполнилось тринадцать лет, и в тот самый день я собирала яблоки на кладбище. Откусила

ГЛАВА 1

одно из них — яблоко показалось мне на вкус прохладным и свежим, словно осенний ветерок. У моих ног суетился Скелет, вынюхивал что-то на земле своим длинным носом. Скелет — это мой пёс, чёрный грейхаунд. Или английская борзая, если так вам будет понятнее.

Членом нашей семьи Скелет сделался относительно недавно. Я встретила его, когда он с потерянным видом слонялся среди могил. Увидев меня, он сразу же подбежал и с тех пор держался рядом со мной как приклеенный. Когда я его нашла, ошейника на нём не было и выглядел Скелет ужасно тощим — все рёбра наружу. Впрочем, все борзые, насколько мне известно, так выглядят, порода такая.

Я назвала его Скелет — очень подходящая, по-моему, кличка для пса, который принадлежит дочери гробовщика, живущей в доме при въезде на кладбище. Приведя найденного пса домой, я покормила его какими-то объедками, которые Скелет с большим удовольствием проглотил, и стала упрашивать маму, чтобы она разрешила мне оставить собаку у себя. Мама категорически ответила «нет». Я пошла к папе, и он сказал «подумаем». Короче говоря, оставить Скелета мама мне всё же разрешила, но при условии, что он будет спать на улице.

Две недели Скелет честно проспал на кладбище, свернувшись клубочком у подножия массивного каменного креста. На третью неделю мама смягчилась и разрешила ему спать у нас

на крыльце. А там, спустя всего несколько дней, Скелет тихо-незаметно перекочевал в дом и с тех пор спал, по-хозяйски раскинувшись, на моей кровати.

С тех пор мы со Скелетом стали совсем уже неразлучными, за исключением тех коротких минут, когда он отвлекался на какие-то свои неотложные собачьи дела — белку, например, обляять или чьи-нибудь ботинки пожевать.

Но пора вернуться в тот день, когда, собственно, и началась история, которую я собираюсь вам рассказать. Набрал полный подол спелых яблок — та осень выдалась очень урожайной на них, — я поспешила мимо могил к дому и с расстрёпанными от ветра волосами вбежала в нашу гостиную, которая на самом деле была ритуальным залом, то есть комнатой, в которой родственники прощаются с покойником. Скелета я оставила валяться на траве возле крыльца.

Отец как раз был здесь, подметал пол.

— Когда ты приучишься входить в дом с заднего крыльца? — проворчал он, увидев меня. — А что, если бы сейчас здесь был кто-нибудь?

— Кто-нибудь? — фыркнула я. — Обычно нашим гостям нет дела до того, что кто-то в комнату зашёл, они несколько... мёртвые, наши гости, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Папа засопел и пошёл к оставшейся открытой двери — метлу вытряхнуть. Разумеется, валявшийся на траве Скелет немедленно ожил, вцепился в метлу зубами и успел отхва-

тить от неё изрядный кусок, прежде чем папе удалось отвоевать её назад.

— Ну покойник ладно, тут я согласен, — неохотно согласился со мной папа. — А если бы здесь его родственники были? Живые?

— Да не должно сегодня у нас быть никаких родственников, я же слежу за расписанием. Грамотная, между прочим.

— Следишь за расписанием? В самом деле? Ну-ну, считай, что я приятно удивлён, — он ласково потрепал меня по голове. — А что ты с этими яблоками делать собираешься? — спросил папа, глядя при этом куда-то в сторону, и я поняла, что ему уже не до меня. Свои дела, знаете ли.

Раньше всё было по-другому. Папа часто играл со мной, и яблоками умел жонглировать, а затем мог рассказать какую-нибудь любопытную коротенькую историю про те же яблоки, например, которые он как-то по-чудному называл «метафорой жизни». Метафора, как я поняла, — это когда что-то сравнивают с чем-то. Для красоты. Например, седину со снегом. Нормальный человек скажет: «Он поседел». А если «голову его засыпал снег», то это метафора. Красиво, но непонятно. Но я не об этом. Я о том, что в последнее время папа сильно изменился, всё время выглядел каким-то рассеянным.

Я оглянулась по сторонам. Яблок я набрала столько, что они оттягивали мне руки, хотелось поскорее освободиться от них. Ещё немного, и я

просто не удержу свой подол, и тогда все яблоки повалятся на пол.

Ага! Есть решение! На подставке стоял гроб, обтянутый тканью внутри, покрытый свежим лаком снаружи, но при этом пустой. Пока что пустой. Ну и отлично! Я выше задрала подол платья и пересыпала яблоки в гроб.

Раздался ужасный грохот — пустой гроб, чтоб вы знали, усиливает любые звуки не хуже, чем барабан. Грохот вывел папу из его обычной задумчивости.

— Вайолет! — закричал он, круто повернувшись в мою сторону. — Детка, ты хоть соображаешь, что ты делаешь?

— Да я просто на время их сюда переложила, эти яблоки, — ухмыльнулась я в ответ. — Не переживай! Сейчас перетаскаю их по частям на кухню, ты даже плюнуть не успеешь.

— Я. Не желаю. Плевать. На гроб, — мрачно процедил папа, и я поняла, что мне самое время смыться отсюда.

Сопровождаемая прибежавшим с улицы на шум Скелетом, я набрала полные пригоршни красных яблок и через боковую дверь направилась на кухню.

Мама была здесь, сидела возле очага и штопала носки Томаса.

— Яблочки! — весело воскликнула я.

Мама подняла голову и улыбнулась. Мне показалось, что от взгляда её прекрасных глаз в кухне сразу стало светлее.

ГЛАВА 1

— Ещё яблоки? Отлично! Пирог с ними сделаю. Или даже целых три пирога. Положи их в корзину в кладовке.

Я положила яблоки, как сказала мама, а когда вернулась, она заговорила вновь:

— Знаешь, моя дорогая покойная мамочка, твоя бабушка, частенько любила повторять, что на кладбище только кости расти могут. Ох, и неправа же она была! — Мама стянула с деревянного грибка для штопки починенный носок и отложила его в сторону. — Этой осенью яблоки просто девать некуда, — она посмотрела на Скелета и добавила: — Хотя кое-кто предпочёл бы, конечно, чтобы здесь всё же косточки росли. Мозговые и с мясом, да?

Скелет навострил уши и сел, подметая пол хвостом, — то ли на подарок в виде косточки рассчитывал, то ли ему просто приятно стало, что с ним разговаривают.

— Из хорошей косточки и для людей бульон сварить можно, — заметила я.

В этот самый момент на кухню ввалился мой брат Томас. Его чёрные штаны на коленях были испачканы грязью с прилипшими к ней травинками.

— Вот ещё! — воскликнул он, роняя на пол свой кожаный футбольный мяч. — Кому он нужен, этот вонючий бульон из старых костей?

Мама протянула руку и несильно, но всё же чувствительно ущипнула Томаса за ухо.

Брату исполнилось всего шесть лет, и он всё ещё был намного ниже меня ростом. Домой Томас приехал на несколько недель, после того как школу, где он учился, закрыли на ремонт. Водопроводные трубы там у них прорвало и затопило всё. Не стану скрывать, мне казалось ужасно несправедливым то, что Томас, который на семь лет младше меня, учится в школе, а я нет. А я дома торчу, и всё только потому, что он, видите ли, мальчик, а я девочка.

— Ты будешь есть то, что тебе дадут, и благодарить за это, Томас. И неважно, будет ли это бульон из костей или пирог с яблоками. Сейчас такие тяжёлые времена, что выбирать не приходится, ясно? О боже, нет, ты только посмотри, во что ты свои штаны превратить умудрился!

Бедная мамочка, ей всю жизнь приходилось возиться с нашей одеждой — то чинить, то перешивать по росту, то придумывать что-нибудь, чтобы она выглядела... ну, если не моднее, то хотя бы приличнее.

Томас выдвинул из-под стола стул, и тот, скребя ножками, проехался по полу. Брат тяжело опустился на сиденье и взъерошил рукой свои волосы, при этом из них на пол спорхнуло несколько травинок. Скелет бросился к ним, обнюхал и разочарованно отвернулся в сторону. Мама же лишь вздохнула, закатив к потолку глаза.

Я уже хотела возвращаться за оставшимися яблоками (папе, наверное, не очень нравилось, что они продолжают лежать там, где я их оста-

вила), но тут Томас вновь заговорил, и его слова настолько заинтересовали меня, что я замерла на месте.

— Скажи, мам, — сказал он. — Кого собираются похоронить на двести тридцать девятом участке?

Скелет поднял голову и посмотрел на Томаса бездонными, похожими на маленькие карие галактики глазами.

Мама отложила в сторону грибок для штопки, ненадолго задумалась, вспоминая.

— Это одна из новых могил, которую только что выкопали, да?

— Верно, — с важным видом подтвердил мой братец.

— Какого-то молодого человека, кажется. Его привезли сегодня утром. Никто из родственников не объявился у бедняжки. Но наш папочка позаботится о том, чтобы это были хорошие, правильные похороны. Он всегда обо всех одиноких мертвецах заботится, хотя это и не приносит никакой выгоды.

Я слегка вздрогнула и ухватилась за спинку стула, чтобы не пошатнуться. Да, я помнила молодого человека, о котором только что упомянула мама. Это был довольно высокий бледный блондин с длинноватыми, на мой вкус, волосами. Немного старше меня — лет шестнадцать ему было, я думаю. Когда его привезли, я немного посидела рядом и тихонько с ним поговорила. Мне кажется, что даже мёртвые